

Юрген Фёрстер

ВЕРМАХТ ПРОТИВ СССР: ВОЙНА НА УНИЧТОЖЕНИЕ

О войне против Советского Союза справедливо говорится, что она была «самой захватнической, порабощительной и кровопролитной» войной нового времени¹. Вердикт, вынесенный Эрнстом Нольте в 1963 году, не утратил своей силы даже после геноцида режима Пол Пота в Камбодже. Совершенно особый характер германо-советской войны – в сравнении с «нормальной европейской войной», какой была война против Франции, – можно объяснить только тем, что именно на Востоке Гитлер пытался реализовать свои давние планы: захватить жизненное пространство (*Lebensraum*) для немецкой нации и уничтожить «смертельного иудео-большевистского врага». Военные действия с целью завоевания жизненного пространства и политические и полицейские меры по его удержанию являлись двумя различными аспектами большой войны на уничтожение, в которой Вермахт также должен был сыграть определенную роль. Будет полным искажением действительности утверждать, что только четыре айнзатцгруппы полиции безопасности и СД (службы безопасности) уничтожали евреев и партийных активистов. Вермахт тоже участвовал в искоренении «еврейского большевизма». И все же широкая публика в ФРГ по-прежнему отделяет военные действия против Красной Армии от одновременного массового убийства евреев, коммунистов и военнопленных. Иначе просто невозможно объяснить острую и преимущественно негативную реакцию телезрителей на «Репортаж», политическую программу на тему «Преступления германского Вермахта во Второй мировой войне», транслировавшуюся по немецкому телевидению 11 декабря 1979 года². Несмотря на упорный отказ от чрезмерных обобщений, редактор был обвинен в пристрастности и в преднамеренной клевете на немецкого солдата. Как бы ни была болезненна для старшего поколения конфронтация с этой частью прошлого Германии и какое бы раздражение ни вызывало у них выражение «непреодоленное прошлое» (*unbewältigte Vergangenheit*), историк обязан стре-

---

¹ Ernst Nolte, *Der Faschismus in seiner Epoche* (München, 1963), S. 463.

² См.: *Badische Zeitung*, № 40 (Feb. 16–17, 1980), S. 9.

миться к правде. «История разбивает стены самообмана, которые мы постоянно возводим, и выставляет перед нами прошлое без стеснения и без искажения»³. Воспоминания многих участников войны и их современников о лете 1941 года искажены, поскольку национал-социалистическая пропаганда особо подчеркивала бесчинства Красной Армии (особенно во время ее продвижения по территории Германии) и страдания немецких солдат в советском плену, тем самым отвлекая внимание от поведения Вермахта во время этой кампании. Впоследствии «холодная война» не только помешала изменению образа врага, но и предоставила оправдание немецкому нападению 22 июня 1941 года⁴.

Современная немецкая историческая наука в течение многих лет была слишком занята «немецкой катастрофой» (выражение, брошенное Ф. Мейнеке) и не уделяла особого внимания Холокосту⁵. Только в 1960-е годы была описана расово-идеологическая основа гитлеровской концепции войны на Востоке, а также тесная связь между военной кампанией и уничтожением евреев⁶. Может быть, поэтому некоторые немцы до сих пор воспринимают буквально национал-социалистические эвфемизмы, обозначающие процесс уничтожения. Так, завсегдатаи пивной Бюрштадта, обсуждая роль бургомистра города Эрнста Хайнрихсона в депортации французских евреев в Освенцим, охарактеризовали ее следующим циничным замечанием: «Он просто посылал евреев на работу, им это только на пользу»⁷.

Война Гитлера против СССР произрастала из его концепции потребности в жизненном пространстве, которая сочетала в себе

³ Thomas Nipperdey, "Geschichte als Aufklärung" // *Die Zeit* (Hamburg), № 9, 22, 2 (1980), S. 16.

⁴ Особенно яркий пример тому см. в кн.: Kurt Assmann, *Deutsche Schicksalsjahre: Historische Bilder aus dem zweiten Weltkrieg* (Wiesbaden, 1950), S. 227f. См. также: Erich Helmdach, *Überfall? Der deutsch-sowjetische Aufmarsch 1941* (Neckargmünd, 1975), S. 81.

⁵ См.: Konrad Kwiet, "Zur historiographischen Behandlung der Judenverfolgung im Dritten Reich" // *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, (Jan. 1980), S. 149–153.

⁶ Eberhard Jäckel, *Hitlers Weltanschauung: Entwurf einer Herrschaft* (Tübingen, 1969); Andreas Hillgruber, "Die 'Endlösung' und das deutsche Ostimperium als Kernstück des rassenideologischen Programms des Nationalsozialismus" // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, № 20 (1972), S. 133–153. И также: Martin Broszat, "Hitler und die Genesis der 'Endlösung'" // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, № 25 (1977), S. 739–775. Английскую версию см.: "Hitler and the Genesis of the 'Final Solution'" // *Yad Vashem Studies*, vol. 13 (1979), pp. 73–125.

⁷ *Badische Zeitung*, № 274 (Nov. 27, 1979), S. 3.

экспансию на восток с искоренением большевизма и уничтожением еврейства⁸. Поскольку в этой концепции нерасторжимо слились положения социал-дарвинизма, расистские аргументы, соображения продовольственного снабжения и принципы силовой политики, нет смысла гадать, какие из этих соображений оказались более важными для Гитлера в процессе принятия решения, а какие менее. В 1940–1941 годах стратегические задачи – защита новоприобретенной германской сферы влияния от англосаксонских морских держав, а также ограничение возникшей зависимости от СССР, – сочетались с реализацией истинных целей Гитлера. Захват европейской части СССР, считавшийся необходимым для ведения войны в условиях морской блокады, одновременно предоставил возможность приступить к уничтожению еврейства. Для Гитлера еврейская власть и большевизм были идентичны. Особая ненависть Гитлера к евреям объясняется личной травмой, время которой можно установить с точностью. Эта ненависть радикально отличалась от традиционных форм религиозного, социального и конкурентного антисемитизма, однако могла использовать в своих интересах и эти формы.

Гитлеровская концепция войны на Востоке состояла из четырех элементов:

- 1) захват территорий для колонизации немецкими поселенцами;
- 2) уничтожение иудео-большевистского руководящего слоя, включая его так называемую «биологическую основу» – миллионы евреев Восточной и Центральной Европы;
- 3) истребление значительной части славян и управление оставшейся массой посредством четырех немецких «вице-королей» – рейхскомиссаров;
- 4) эксплуатация экономических ресурсов оккупированных стран для защиты будущей германской империи от любой блокады.

Захват России вернул бы Рейху статус мировой державы и даже позволил бы бросить вызов Соединенным Штатам, думал

---

⁸ Karl Dietrich Erdmann, *Die Zeit der Weltkriege* (Stuttgart, 1976), S. 337 (Handbuch der deutschen Geschichte, Bd. 4). О представлениях Гитлера в области экономики см. статью Крюгера (Peter Krüger) в журнале *Geschichte und Gesellschaft* (№ 6 (1980), S. 263–280).

Гитлер⁹. В середине июля 1941 года, когда Гитлер и его военное командование верили, что они победили Красную Армию, Гитлер сконцентрировал свой разрушительный план относительно Востока в короткой формуле: «Овладеть, управлять, эксплуатировать»¹⁰. Гигантский пирог необходимо было разделить правильно, так, чтобы все, кроме нескольких боковых ломтей, выданных Финляндии и Румынии, досталось Германии. Так было бы достигнуто здоровое соотношение между числом немцев и немецким жизненным пространством. На Востоке планировалось создать для немцев райский сад. Предполагалось и далее применять такие меры, как расстрел, перемещение населения и т. д., однако концепцию «нового порядка» для СССР необходимо было тщательно замаскировать. Помимо уничтожения «еврейского большевизма», экстенсивная эксплуатация оккупированных территорий на благо Вермахта и немецкого народа подразумевала голодную смерть для миллионов советских людей, гражданских и военнопленных.

С конца февраля 1941 года и далее, когда военные приготовления к операции «Барбаросса» шли полным ходом, Гитлер намекал – сначала своим советникам, а затем более широкому кругу – на свое решение вести приближающуюся кампанию как расово-идеологическую войну на уничтожение. 3 марта 1941 года он вернул черновой вариант «Инструкции об особых областях к директиве № 21 (план “Барбаросса”» на доработку верховному главнокомандованию Вермахта (ОКВ), сопроводив его подробными указаниями. Грядущая кампания должна была стать не просто вооруженным столкновением, но борьбой двух мировоззрений. Советский Союз должен был быть разрушен, а «еврейско-большевистская интеллигенция», угнетавшая страну, ликвидирована¹¹. Йодль¹² инструктировал Вермахт при исправ-

⁹ Hillgruber, «*Die Endlösung und das deutsche Ostimperium*», S. 140. См. также: Norman Rich, *Hitler's War Aims: The Establishment of the New Order* (London, 1974), part 2, pp. 326–332.

¹⁰ *IMT (International Military Tribunal)*, vol. XXXVIII, pp. 86–94. См. также: *Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.)*. М.: Политиздат, 1968. С. 51–56.

¹¹ Hans-Adolf Jacobsen et al. (Hg.), *Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab)* (Frankfurt a/M, 1961), Bd. 1, S. 341.

¹² В то время начальник оперативного отдела ОКВ. – *Примеч. ред.*

лении текста директив. Предлагалось ограничить ответственность военной администрации зоной военных действий и тыловыми зонами армий и армейских групп. Предполагалось, что необходимость немедленной ликвидации всех большевистских руководителей и комиссаров потребует использования сил СС в зонах военных действий, в дополнение к армейской ГФП (*Geheime Feldpolizei*) – секретной полевой полиции; военные же суды не будут вмешиваться в эти сферы. Через два дня новый вариант инструкции был передан на рассмотрение главному командованию сухопутных войск (ОКХ). ОКХ приняло тот факт, что особые задачи в зоне военных действий были возложены на Гимmlера (хотя после Польши уже знало, о чем идет речь). Как и в 1939 году, ОКХ предпочло сосредоточиться на военных делах и не нести ответственности за национал-социалистическую программу истребления¹³. Эта добровольная слепота означала, что никакого противодействия «Инструкциям об особых областях» ОКВ от 13 марта не будет; словом, 26 марта соглашение между армией и СС было достигнуто. Такой образ мыслей был, видимо, характерен для большинства консервативно настроенных офицеров. В качестве иллюстрации вспомним разногласия между командующим группой армий «Север» фельдмаршалом фон Леебом и командующим тыла этой армейской группы генералом Францем фон Роком, проявившиеся 8 июля 1941 года:

Рок... жалуется на массовые расстрелы евреев в Каунасе литовскими вспомогательными полицейскими частями (Schutzverbände) при подстрекательстве немецкой полиции. У нас нет контроля над такими мероприятиями. Остается только держаться на расстоянии. Рок резонно предположил, что едва ли можно таким способом решить еврейскую проблему. Более надежный путь – стерилизация всех евреев мужского пола¹⁴.

Заключая соглашение с СС, военное руководство могло первоначально верить, что на него не будет возложена ответствен-

¹³ См.: Hans Umbreit, *Deutsche Militärverwaltungen 1938/39: Die militärische Besetzung der Tschechoslowakei und Polens* (Stuttgart, 1977), S. 116–273f (Beiträge zur Militär- und Kriegsgeschichte, Bd. 18).

¹⁴ Georg Meyer (Hg.), *Generalfeldmarschall Wilhelm Ritter von Leeb: Tagebuchaufzeichnungen und Lagebeurteilungen aus zwei Weltkriegen* (Stuttgart, 1976), S. 288 (Beiträge zur Militär- und Kriegsgeschichte, Bd. 16).

ность за чистки на новом жизненном пространстве¹⁵. Гитлер намеревался, однако, и Вермахт обратить в инструмент расово-идеологической истребительной войны и тем самым стереть границу между военными и политико-идеологическими операциями. Об этом намерении стало известно 30 марта 1941 года из речи Гитлера, произнесенной в Рейхсканцелярии перед более чем двумястами офицерами высшего командного состава и начальниками штабов войск, которым предстояло принять участие в операции «Барбаросса». Гитлер открыто заявил, что приближающаяся война против СССР не будет соответствовать общепринятым военным законам, но станет войной на уничтожение против идеологии и ее адептов:

*Борьба двух мировоззрений... [Б]ольшевизм: равнозначен социальному преступлению. Коммунизм – чудовищная угроза будущему. Мы должны отказаться от мысли о солдатском товариществе. Коммунист не был нашим товарищем раньше, не будет им и впредь. Речь идет о войне на уничтожение... Мы ведем войну не для того, чтобы сохранить врага... Уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции... Борьба должна вестись против яда разложения. Здесь нет места военным судам. Командиры частей должны знать, за что идет борьба. Им вести эту борьбу! Войска должны защищаться теми же средствами, какими на них нападают. Комиссары и работники ГПУ – преступники, и с ними надо поступать соответственно. Войска не должны выходить из подчинения. Командир должен отдавать приказы и распоряжения, считаясь с мироощущением своих солдат... Командиры должны быть готовы к самопожертвованию и уметь преодолевать свои сомнения*¹⁶.

Еще 10 февраля 1939 года, в мало кому известной в то время речи перед командирами армии, Гитлер определил будущую войну за жизненное пространство как «чисто идеологическую войну, иными словами, абсолютно национальную и расовую войну»¹⁷. Кроме того, Гитлер потребовал, чтобы его считали не

¹⁵ Так формулировались цели СС в Польше, где действия этого ведомства были направлены против еврейства, интеллигенции, духовных лиц и аристократии. Hans-Adolf Jacobsen (Hg.), *Generaloberst Halder, Kriegstagebuch* (Stuttgart, 1962; далее *Halder, KTB*), Bd. 1, S. 79 (запись от 19 сентября 1939 года).

¹⁶ *Halder, KTB*, Bd. 2 (1963), S. 336f. Приведенный текст – конспект речи Гитлера, составленный Гальдером, начальником генерального штаба ОКХ.

¹⁷ Bundesarchiv Koblenz (BA), NS 11/28, BL 86 ff. Йохен Тис первым обратил вни-

только главнокомандующим Вермахта, но и главным идеологическим лидером, которому офицеры должны быть верны при любых обстоятельствах. Его прямое требование ко всему офицерскому корпусу – быть его гвардией «до самого конца» в деле достижения идеологических целей – весьма важно для понимания отношений между Гитлером и армией, особенно в свете пророчества, сделанного Гитлером 30 января 1939 года:

*Если международные еврейские финансисты, в Европе и за ее пределами, сумеют еще раз втянуть народы в мировую войну, то результатом войны будет не большевизация мира и, следовательно, триумф еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе!*¹⁸

Намерения Гитлера – в том виде, в каком они были оглашены 30 марта 1941 года, – вызвали обычную реакцию со стороны Вермахта и армейского командования со всеми его отделами и подотделами. Распоряжение от 13 марта («Инструкция об особых областях») уже содержало особые указания, касающиеся поведения солдат и роли военных судов. Безо всяких протестов офицеры ОКВ и ОКХ составили в соответствии с этими инструкциями приказы, позже названные преступными, которые и определили характер войны на Востоке¹⁹: «Распоряжение о военной подсудности и судебном производстве в районе операции “Барбаросса” и об особых полномочиях войск в России» от 13 мая 1941 года; «Распоряжение № 1 о поведении войск в России» от 19 мая 1941 года; «Распоряжение об обращении с политическими комиссарами» от 6 июня 1941 года. Все позднейшие утверждения военных о том, что они только исполняли приказы и даже смягчали поставленные перед ними задачи, являются чистой выдумкой.

мание на эту речь, хотя и в ином контексте: Jochen Thies, *Architekt der Weltherrschaft: Die «Endziele» Hitlers*, 2te Aufl. (Düsseldorf, 1976), S. 112f.

¹⁸ Max Domarus (Hg.), *Hitler: Reden und Proklamationen* (Neustadt a.d. Aisch, 1963), Bd. 2, S. 1058. Цит. по: И. Арад (ред.), *Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944)*. Иерусалим: Яд Вашем, 1991. С. 34.

¹⁹ Manfred Messerschmidt, *Die Wehrmacht im NS-Staat: Zeit der Indoktrination* (Hamburg, 1969), S. 390–411 (Soldatische Menschenführung in der Deutschen Militärgeschichte, Bd. 2). Helmut Krausnik, “Komissarbefehl und Gerichtsbarkeitserlaß: ‘Barbarossa’ in neuer Sicht” // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, № 25 (1977), S. 628–738; Christian Streit, *Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945* (Stuttgart, 1978), S. 28–61 (Studien zur Zeitgeschichte, Bd. 1).

Полагая государственную необходимость выше международного военного права, офицеры и высокопоставленные чиновники сочли необходимым представить меры, предусмотренные этими приказами, как превентивные карательные меры. Например, расстрел солдатами гражданских лиц либо оправдывался ссылками на немецкую историю после 1918 года²⁰, либо же представлялся мерой безопасности. Так военные командиры и их юридические советники превратились в «партнеров Гитлера по преступлению»²¹.

«Распоряжение о поведении войск» объявило большевизм смертельным врагом немецкой нации, приверженной национал-социализму. «Германия должна бороться против этой разрушительной идеологии и ее носителей. Эта борьба требует строгих и решительных мер против большевистских агитаторов, партизан, саботажников и евреев (*разрядка моя – Ю. Ф.*), а также тотального подавления любого активного и пассивного сопротивления»²². Слова об идентичности большевизма и еврейства упали на плодородную почву. Например, уже в приказе генерала Гёпнера – командира 4-й танковой группы (до его замены зимой 1941 года), впоследствии одного из активных участников сопротивления в армии, – от 2 мая 1941 года слышны отголоски этой речи Гитлера (произнесенной 30 марта 1941 года):

*Война с Россией – это важная глава в борьбе немецкой нации за существование. Это старинная борьба германцев против славянских народов, защита европейской культуры от московитско-азиатского потопа и отпор еврейскому большевизму. Целью этой битвы должно быть разрушение сегодняшней России, поэтому борьба должна вестись с беспрецедентной суровостью. Планирование и осуществление каждой военной операции должно проводиться с железной решимостью уничтожать врага безжалостно и тотально. В особенности не следует щадить приверженцев современной русской большевистской системы*²³.

²⁰ Имеется в виду разгром Баварской советской республики в мае 1919 года. – Примеч. ред.

²¹ Robert Cecil, *Hitler's Decision to Invade Russia 1941* (London, 1975), p. 157 (The Politics and Strategy of the Second World War, vol. 4).

²² Цит. по: *Уничтожение евреев СССР*. С. 37.

²³ 4-я танковая группа, отдел Ia 20/41, приложение 2: "Bundesarchiv-Militärarchiv" (BA-MA), Freiburg 17 956/7. Сегодня понятно, почему командир айнзатцгруппы «А»

«Распоряжение о военной подсудности» можно рассматривать как «пример систематической проекции национал-социалистической теории на идеологического врага»²⁴. Само понятие *ius in bello* – «закона на войне» – оказывалось досадной помехой военным действиям. Поэтому генерал Мюллер, главный офицер по особым поручениям и старший офицер по связям с общественностью, отвечавший за юридические вопросы, мог 11 июня 1941 года заявить в своей лекции офицерам разведки и военным судьям, что «в будущих операциях уважение к закону должно, в определенных ситуациях, уступить место военной необходимости и возвращению к старым обычаям ведения войны... С одним из двух противников должно быть покончено. Врагов надо не сохранять, а уничтожать»²⁵. Отныне любое гражданское лицо, оказывающее сопротивление Вермахту или подстрекающее к этому, объявляется партизаном и подлежит казни. В спорных случаях офицеру достаточно подозрения, чтобы вынести смертный приговор. При нападении на Вермахт, когда невозможно достаточно быстро идентифицировать виновных, коллективные меры наказания (по предложению генерала Гальдера, начальника генштаба армии) применяют против целых населенных пунктов или групп населения. И действительно, в дальнейшем сожжение деревень, массовые казни и расстрелы без предварительных разбирательств стали общей чертой антипартизанских операций, проводимых армией.

Вне всякого сомнения, «приказ о комиссарах» был инициативой ОКХ. Увидев его первую редакцию, Гальдер одобрительно произнес: «Войска должны принять полное участие в идеологической битве Восточной кампании, – до самого конца»²⁶. Согласно «приказу о комиссарах», высокопоставленные политические функционеры и руководители (комиссары) подлежали расстрелу не только из-за подозрения во враждебных действиях, но и в силу своего высокого положения в Красной Армии или в советской си-

---

описывал сотрудничество с 4-й танковой группой как «очень близкое и почти сердечное» (*IMT*, vol. XXXVII, p. 671).

²⁴ Messerschmidt, *Wehrmacht in NS-Staat*, S. 409. См. также: idem, "Revision, Neue Ordnung, Krieg, Akzente der Völkerrechtswissenschaft in Deutschland 1933–1945" // *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, 1/1 (1971), S. 61–95.

²⁵ Документы Нюрнбергского процесса, NOKW-2672; BA-MA, 13 119/1.

²⁶ Halder, *KTB*, Bd. 2, S. 339 [запись от 6.5.1941].

стеме управления. В принятии этого приказа, противоречащего всем международным законам, главную роль сыграли опасения армейского командования, что комиссары продолжают пропаганду против Рейха даже в плену. Впоследствии главнокомандующий приказал офицерам проводить постоянные проверки в лагерях для военнопленных. Не стоит недооценивать и влияние «приказа о комиссарах» на поведение армии. Действительно ли, как утверждает Нольте²⁷, военные обычно знали, как его обойти? Количество донесений о проведенных казнях говорит само за себя²⁸. Следует ли полагать, что донесения о казнях намеренно фальсифицировались, как в свое оправдание уверяют бывшие солдаты?²⁹ Корпуса часто докладывали просто – «без происшествий», что доказывает отсутствие необходимости их фальсифицировать.

Преднамеренное искоренение идеологии происходило и в лагерях для военнопленных, находившихся вблизи арены боевых действий. Система сформировалась, когда массовые убийства перешли в ведение айнзатцгрупп полиции безопасности и СД: «Обычно советских комиссаров, высокопоставленных функционеров... расстреливали не на фронте, а в различных лагерях для военнопленных»³⁰. Во время операции «Барбаросса» ответственность за военнопленных была поделена между ОКВ и ОКХ. В самом Рейхе, в оккупированной Польше и в созданных позже рейхскомиссариатах «Остланд» и «Украина» ответственность лежала на ОКВ, а в зонах военных действий – на ОКХ. Уже 10 июня 1941 года главнокомандующий выразил опасение, что политкомиссары Красной Армии могут незаметно проникнуть в лагеря для военнопленных, сняв с себя знаки отличия. Две недели спустя начальник интендантской службы отдал распоряжение о «немедленной изоляции политически нетерпимых и подозрительных элементов, комиссаров и агитаторов». Командиры лагерей должны были поступать с ними «согласно особым директивам», иными словами, расстреливать их, как того требовали «Распоряжение о военной

²⁷ Nolte, *Der Faschismus*, S. 437.

²⁸ См. списки Штрайта (Streit) в *Keine Kameraden* (S. 88–89). Много дополнительных свидетельств об исполнении «приказа о комиссарах» можно найти в документах отдела Ic (BA-MA).

²⁹ См.: Meyer, *Generalfeldmarschall Wilhelm Ritter von Leeb*, S. 61, N. 240.

³⁰ Krausnick, *Komissarbefehl*, S. 736.

подсудности» и «приказ о комиссарах». Полиция безопасности и СД еще не использовались для этих задач. «Азиаты (в соответствии с расой), евреи, говорящие по-немецки русские» тоже должны были быть отделены, но не расстреляны; их только следовало держать на расстоянии от Германии³¹. Практика эта не всегда соблюдалась: евреев расстреливали в лагерях для военнопленных в зонах боевых действий – в рамках сотрудничества с СС. Об этом свидетельствует предложение коменданта транзитного лагеря № 131 в Слониме, обращенное к Й., районному начальнику лагерей для военнопленных в тыловой зоне группы армий «Центр»: не убивать врачей-евреев «просто так»³². Донесения айнзатцгруп подтверждают это. С другой стороны, известно об отказе командира лагеря в Могилеве «отправить еврейских узников для “особого обращения” (*эвфемизм убийства* – Ю. Ф.), поскольку соответствующее управление Вермахта не издавало такого приказа»³³. 7 октября 1941 года командование армии отменило постановление, запрещающее айнзатцгрупам полиции безопасности и СД входить в лагеря в зонах военных действий; утвердив практику, принятую в сфере компетенции ОКВ с июля, оно тем самым узаконило сотрудничество с СС, уже происходившее в тыловых зонах групп армий.

17 июля 1941 года ОКВ издал приказ, где говорилось, что Вермахт должен

*...избавляться от тех элементов среди военнопленных, которые считаются движущими силами большевизма. Особый статус Восточной кампании требует особых мер, которые следует проводить безо всякого бюрократического и административного вмешательства, с готовностью принимая на себя ответственность. Если до сих пор предписания и приказы относительно военнопленных основывались исключительно на военных соображениях, то теперь должны быть достигнуты политические цели, а именно – защита немецкой нации от большевистских подстрекателей и немедленное обеспечение строгого контроля над оккупированной территорией*³⁴.

³¹ ОКН/GenStdH/Az. Gen. z.b.V. beim ObdH/GenQu/Abt. KrVerw./ Nr. II/5496/41 от 24.7.1941, BA-MA, 14 989/56.

³² BA-MA, RH 22/251.

³³ Streit, *Keine Kameraden*, S. 102.

³⁴ Цит. по: Streit, *Keine Kameraden*, S. 90.

После первичного разделения гражданских лиц и военнопленных по национальности (*Volkstumszugehörigkeit*) и политической благонадежности личным составом Вермахта специально обученная айнзатцкоманда полиции безопасности и СД приступала к дальнейшей селекции и ликвидации – а именно, согласно указаниям Гейдриха, отбирала всех евреев. После приказа ОКВ от 17 июля, к началу октября 1941 года была достигнута «последняя радикализация в уничтожении врагов в рамках идеологических приказов, поступавших с марта 1941 года»³⁵. По самым осторожным оценкам, от 580 000 до 600 000 советских граждан пали жертвой этой «радикализации».

Тем не менее на ранних стадиях ОКВ делало некоторые попытки соблюсти международные конвенции по отношению к советским военнопленным. Инициировал эти попытки отдел военного права бюро внешней контрразведки. Гельмут Джеймс фон Мольтке был составителем меморандума, поданного начальником разведки Вермахта адмиралом Канарисом 15 сентября 1941 года, в котором указывалось на применимость общего международного права даже в тех случаях, когда Женевская конвенция 1929 года об обращении с военнопленными не распространялась на Германию и Советский Союз. Военная традиция не позволяет убивать или ранить незащитных людей. Однако заступничество за советских военнопленных, казавшееся особенно своевременным в свете недавно обновленного приказа от 17 июля, было отвергнуто Кейтелем: «Такая совестьливость согласуется с солдатским понятием о рыцарской войне! А мы здесь имеем дело с истреблением идеологии. Вот почему я одобряю и защищаю эту меру». В частности, Кейтель считал расово-идеологические чистки, проводимые СС, «очень уместными»³⁶. Отметим, что зимой 1941 года Клаус фон Штауффенберг³⁷ в ответ на вопрос, готов ли он активно противостоять национал-социалистическому режиму, заявил: «Во время войны не следует делать такие вещи, особенно во время войны с большевиками. Но потом, когда мы вернемся домой,

³⁵ Streit, *Keine Kameraden*, S. 93.

³⁶ *IMT*, vol. XXXVI, pp. 317–320.

³⁷ Один из организаторов покушения на Гитлера 20 июля 1944 года. – *Примеч. ред.*

мы разделяемся с коричневой чумой». Гельмут фон Мольтке отреагировал на эту фразу горьким замечанием: «Они не генералы, они техники, военные техники, и все это – громадное преступление»³⁸.

В августе 1941 года полевые командиры начали критиковать «приказ о комиссарах» – не потому, что он противоречил международным законам, а по практическим соображениям: он мог привести к ужесточению советского сопротивления. 23 сентября 1941 года командование армии попросило ОКВ пересмотреть применение «приказа о комиссарах» с учетом военной ситуации. Гитлер, однако, отказался что-либо менять. Только в мае 1942 давление боевых командиров дало результаты. Действие «приказа о комиссарах» в зоне военных действий было приостановлено в надежде поощрить советских солдат к дезертирству. 1 июня перестали подвергать «особому обращению» командиров и политруков в лагерях для военнопленных; в октябре приказ был отменен. Айнзатцкомандам было приказано выяснять, кто из комиссаров и политруков дезертировал (их надлежало отправлять в концлагерь Маутхаузен), а кто был взят в плен во время боя (их следовало казнить). По отношению к «евреям, преступникам и прочим» процедура оставалась прежней, – их расстреливали³⁹.

Кроме расстрела сотен тысяч нежелательных в политическом и расовом отношении военнопленных, требует объяснения и массовая смертность солдат Красной Армии, находившихся в немецком плену. Убедительное объяснение предлагает Кристиан Штрайт: хотя и не существовало целенаправленной политики массового уничтожения пленных, на их убийства смотрели сквозь пальцы. Военное командование, рассчитывавшее на короткую войну, не торопилось решить, что делать с такой массой пленных. Задачами первостепенной важности были установление и укрепление немецкой власти на Востоке и эксплуатация источников продовольствия и сырья Вермахтом и Рейхом⁴⁰. Военнопленным выделялось минимальное количество продовольствия, – чтобы на немецкие нужды шел максимум. Норма пайка для советских

³⁸ Christian Müller, *Oberst i.G. Stauffenberg: Eine Biographie*, 2te Aufl. (Düsseldorf, 1970), S. 216.

³⁹ Streit, *Keine Kameraden*, S. 253f.

⁴⁰ *Ibid.*, S. 128f.

военнопленных во всех лагерях была установлена только 6 августа 1941 года. Для работающих пленнх она составляла 2 200 калорий, а для неработающих – 2 040 калорий. 21 октября лагерные пайки в зоне военных действий, рейхскомиссариатах и в оккупированной Польше (но не в самом Рейхе) были сильно урезаны. Рацион жиров был урезан на 34%, рацион картошки – на 44%. Рацион неработающих пленников составлял всего 1 490 калорий. Увеличивая паек для работающих пленнх, следовало применять особо строгие критерии. Начальники лагерей должны были осознавать, что «любая незаконная или чрезмерная пищевая добавка пленникам идет за счет их семей на родине и немецких солдат»⁴¹. Травма поражения 1918 года все еще сказывалась: атмосфера в тылу считалась важным фактором. Как нельзя было допустить проникновения политкомиссаров в лагеря для военнопленных на территории Рейха, так нельзя было и урезать пищевой рацион жителей Германии. Все это привело к массовой смертности среди советских военнопленных осенью и зимой 1941 года, так как даже норма пайка, одобренная 21 октября, в лагерях не выдавалась.

На встрече армейского командования с полевыми командами, состоявшейся в Орше 13 ноября 1941 года, генералквартирмейстер Вагнер объяснял: «Неработающие военнопленные в лагерях умрут от голода. В отдельных случаях разрешается кормить работающих пленников из армейских запасов. Принимая во внимание положение с продовольствием, даже это не может, к сожалению, быть оформлено как приказ»⁴². Вскоре в лагерях к недоеданию и холоду добавились сыпной и брюшной тиф. Только после провала ожидаемой молниеносной кампании, благодаря нехватке рабочей силы в военной промышленности, ценность советских военнопленных возросла и их положение улучшилось. Если в конце января 1942 года только 147 736 пленнх были заняты в военной промышленности, то к концу войны их число выросло до 750 000. Из 5,7 миллионов советских военнопленных около 3,3 миллионов погибли в немецком плену. Для сравнения: из 3,2 миллионов немецких военнопленных, находившихся в советском плену, погибли 1,2 миллиона⁴³.

⁴¹ Цит. по: Streit, *Keine Kameraden*, S. 142.

⁴² *Ibid.*, S. 157.

⁴³ *Ibid.*, S. 244f

Немецкая политика безопасности на восточных оккупированных территориях была исполнена противоречий с самого начала кампании. Меры военной безопасности и административные меры могли сочетаться друг с другом, или противоречить друг другу, или повторять друг друга, или исполняться совместно армией и СС. В то время как военное командование при любых признаках сопротивления в зоне военных действий требовало самых суровых мер и «безжалостных и энергичных действий против большевистских поджигателей, партизан, саботажников и евреев»⁴⁴, СС, от лица фюрера, выполняли «особые задачи по подготовке политической администрации». Задачи эти состояли не только в задержании политически опасных лиц в ходе «расследования и подавления любых попыток вражеских действий против государства и Рейха», но и в уничтожении всех евреев, – дабы заложить предпосылки для «окончательного устранения большевизма»⁴⁵.

Армия и органы безопасности должны были осуществлять самое тесное сотрудничество. В подчинении командира тыловой области каждой группы армий находились три специально организованные охранные дивизии и три батальона полиции порядка. Главные начальники СС и полиции (*Höhere SS- und Polizeiführer*) в трех секторах – северном, центральном и южном⁴⁶ – контролировали четыре айнзацгруппы, а также три полка полиции порядка. С одобрения главного начальника СС и полиции командир тыловой области группы армий мог использовать персонал полиции порядка для военных нужд⁴⁷. Разграничение функций Вермахта и СС, предложенное представителем генерал-квартирмейстера (Вермахт обеспечивает победу над врагом, а рейхсфюрер СС –

⁴⁴ ОКН/GenStdH/GenQu Abt. Kriegsverwaltung Nr. II/0315/41, 3.4.1941, BA-MA, RH 22/12; ОКВ ("Richtlinien für das Verhalten der Truppe in Russland"), 19.5.1941.

⁴⁵ Так заявил представитель СД, полковник Нокерман, на встрече между военной разведкой ОКВ (Абвером) и ОКХ 6 июня 1941 года в Берлине (BA-MA, N 3/482-RH 19 III (688)). О деятельности айнзацгрупп см. фундаментальное исследование Краусника и Вильгельма: Н. Krausnick, К. Wilhelm, *Die Truppe des Weltanschauungskrieges* (Stuttgart, 1980) (Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte, Bd. 22).

⁴⁶ Точнее, на территориях, носивших названия *Rußland-Nord*, *Rußland-Mitte* и *Rußland-Süd*. – Примеч. ред.

⁴⁷ См. замечание, сделанное Гиммлером 21 мая 1941 года (документы Нюрнбергского процесса, NOKW-2079 и BA-MA, RH 22/156).

политический и полицейский надзор над побежденными⁴⁸), осталось чисто теоретическим. Процесс систематического уничтожения идейного противника и идеологической обработки офицеров и солдат лишил смысла подобное разграничение.

Гитлер первым разглядел шанс, предложенный ему сталинским призывом к партизанской войне за линией фронта: «Он дает нам возможность истреблять любого, кто нам сопротивляется»⁴⁹. Как нам известно, несколькими неделями ранее главный офицер по особым поручениям объяснил, как исполняется «Распоряжение о военной подсудности» в ходе операции «Барбаросса»: «Врагов надо не сохранять, а уничтожать». Поэтому приложение к «Директиве № 33 (Продолжение войны на Востоке)» от 23 июля 1941 года требовало сломить сопротивление на завоеванных территориях на Востоке не мерами судебного наказания виновного, а террором, чтобы «искоренить у населения даже мысль о непослушании»⁵⁰.

За директивой ОКВ последовал приказ ОКХ от 25 июля, подчеркивающий, что главным принципом всех действий должна быть полнейшая безопасность немецкого солдата.

*Быстрого умиротворения страны можно достичь, только если всякая угроза со стороны враждебно настроенного гражданского населения будет беспощадно пресекаться. Любая снисходительность и нерешительность – это слабость, и опасная слабость*⁵¹.

Тем не менее некоторые войсковые командиры пытались разграничить военные задачи и деятельность СС. Так, хотя солдатам не разрешалось принимать участие в массовых казнях евреев, проводимых айнзацгруппами СС, их сплошь и рядом привлекали для оцепления территории казни. Весной 1942 года тыловые командиры все еще считали целесообразным повторно издавать приказы, запрещающие участие солдат в эсэсовских акциях, – что

⁴⁸ Обсуждение от 6 июня 1941 года: ВА-МА, Н 3/482 (см.: Halder, KTB, Bd. 2, S. 485).

⁴⁹ IMT, vol. XXXVIII, p. 88.

⁵⁰ Walther Hubatsch (Hg.), *Hitlers Weisungen für die Kriegsführung* (München, 1965), S. 167f (dtv-Dokumente, Bd. 278/279).

⁵¹ ОКН/Gen z.b.V. beim ObdH/Az. 453 Gr R Wes Nr. 1332/41, 25.7.1941. ВА-МА, 14768/5 и RH 27-7/41. Цит. по: *Уничтожение евреев СССР*. С. 43.

только подтверждает существование этой практики⁵². Не только коммунистические функционеры считались «приверженцами враждебной позиции», но и евреи. Годы индоктринации Вермахта и нескончаемые речи о «еврейском большевизме» принесли свои плоды.

В результате армия и СС практически сотрудничали в преследовании евреев. Передовые части айнзатцгрупп следовали по пятам за боевыми частями, часто с прямого одобрения командиров; помимо идентификации и регистрации евреев, полевые командиры отдавали приказы об их аресте, дабы облегчить работу СС. Так, в частности, обстояло дело в зоне деятельности 57-го корпуса под командованием генерала фон Манштейна. Когда после захвата Даугавпилса в городе продолжались поджоги, командиры поспешили принять на веру заявления «гражданского населения о том, что прежде всего евреи... были прямо или косвенно виновны во всех этих диверсионных актах против войск»⁵³. После ареста мужчин-евреев ситуация в Даугавпилсе, заявили они, изменилась мгновенно. Помощник командира разведотдела (ответственный за контрразведку) исходил из опыта оккупации Резекне в начале июля 1941 года. Подразделение ГФП при помощи мотоциклетного взвода первого полка СС «Мертвая голова» арестовало взрослых мужчин-евреев, «поскольку здесь тоже приходится считаться с диверсионными актами». В конце августа 1941 года командир тыловой зоны группы армий «Юг» приказал «создавать гетто в местах со значительным еврейским населением, особенно в городах»⁵⁴. В зоне действия 99-й дивизии легкой пехоты ГФП активно занималась поиском евреев, которых потом передавала в руки СД⁵⁵. Таким образом, айнзатцгруппы имели возможность докладывать не только «об отличном сотрудничестве с военными

⁵² См. приказы 207-й охранной дивизии от 22 июля 1941 года (BA-MA, RH 22/271), командования тыла группы армий «Юг» от 29 июля 1941 года (RH 22/5), командующего группы армий «Юг» от 24 сентября 1941 года (RH 19 I/73), 27-й пехотной дивизии от 20 ноября 1941 года (RH 26-27/44), командира тыла группы армий «Юг» от 20 марта 1942 года (RH 22/24) и командира тыла группы армий «Центр» от 21 марта 1942 года (RH 22/230).

⁵³ Tätigkeitsbericht des 04, 22.6.1941 – 11.9.1941, BA-MA, 17 956/32.

⁵⁴ Bfh. Rückw. HGeb Süd, Abt VII, Anordnung Nr. 12, 28.8.1941. BA-MA, RH 22/6.

⁵⁵ Tätigkeitsbericht des Ic, Sept. 1941, BA-MA, 21 400/17. См. там же сетования дивизионного командира (26 сентября 1941 года) на то, как неохотно офицеры берут на себя ответственность за коллективные меры наказания.

руководителями, но и об удовлетворительной позиции по отношению к евреям»⁵⁶.

Не только Гитлер и СС усматривали связь между «еврейским большевизмом» и партизанским движением; военные командиры тоже видели в евреях приверженцев враждебного режима и действовали соответственно. К примеру, командир 44-й пехотной дивизии, выполняя «Распоряжение о военной подсудности», приказал 21 июля 1941 года применять коллективные меры наказания в случаях, когда личность саботажника не установлена. В характерных выражениях указывалось, что коллективные меры могут состоять в «расстреле местных евреев или русских, сожжении еврейских или русских домов»⁵⁷. 50-я пехотная дивизия указывала, что евреи, в особенности члены партии, «поддерживают радиосвязь через линию фронта»⁵⁸. Когда 3 сентября 1941 года 1-я кавалерийская бригада СС сообщила командиру тыловой зоны группы армий «Центр» об «умиротворении Припятских болот», уверяя при этом, что связь между партизанскими отрядами осуществлялась в основном евреями, а «свободные от евреев» деревни никогда и ни в каком случае не служат базами для партизан, это объяснение было с готовностью принято. С 24 по 26 сентября 1941 года генерал фон Шенкендорф⁵⁹ провел «курс борьбы с партизанами» – своего рода курс по обмену опытом между армией и СС. Главный начальник СС и полиции фон дем Бах-Зелевски говорил о задержании комиссаров и партизан, а Небе, командир айнзатцгруппы «Б», – о «еврейском вопросе в связи с партизанским движением». После «учений», проведенных полицейским полком в последний день курса по поддержанию порядка, часть 2-го полка безопасности продемонстрировала успешное овладение навыками селекции партизан, комиссаров и коммунистов, а также проверки населения⁶⁰. По рекомендации генерала фон Шенкендорфа от 31 августа 1941 года фон дем Баху была вручена планка Железного креста 2-й степени, – в благодарность за

⁵⁶ Цит. по: Streit, *Keine Kameraden*, S. 111.

⁵⁷ 44-я дивизия, Abt. Ia op Nr. 63/41, BA-MA, RH 26 – 44/33.

⁵⁸ Inf. Abt. Ic, Tätigkeitsbericht für die Zeit vom 15 – 31.8.1941, Ziffer 3, BA-MA, RH 26 – 50/85.

⁵⁹ Командующий тылом группы армий «Центр». – *Примеч. ред.*

⁶⁰ BA-MA, RH 22/225.

помощь СС в умиротворении страны. В начале октября командир 6-й армии фон Рейхенау, который и в прошлом неоднократно оказывал активную поддержку акциям уничтожения айнзатц-группы «Ц», довел до сознания подчиненных ему солдат свое отношение к войне на уничтожение:

На восточных территориях военнослужащий является не только борцом, сражающимся по правилам военного искусства, но и носителем национальной идеи и мстителем за все бедствия, причиненные немцам и родственным им народам. Поэтому солдат должен глубоко осознавать необходимость сурового, но справедливого наказания евреев. Другой целью является подавление в зародыше бунтов в тылу немецкой армии, затеваемых всегда, как показывает опыт, евреями... Независимо от всяких политических соображений, перед солдатами стоит двойная задача: 1) полное искоренение большевистской ереси, советского государства и его вооруженных сил; 2) безжалостное уничтожение чуждых нам коварных и жестоких элементов и, следовательно, обеспечение безопасности немецких вооруженных сил в России. Только таким образом мы выполним нашу историческую задачу – навсегда освободим немецкий народ от азиатско-еврейской опасности⁶¹.

Приказ, касающийся поведения войск на восточных территориях и названный Гитлером «превосходным», был разослан ОКХ по всем армиям и группам армий с предложением издать аналогичные директивы. Генерал фон Манштейн, командир 11-й армии, действовал согласно этому указанию. В зоне его операций, в Крыму, существовали сильные партизанские группы; там же дислоцировалась и айнзатцгруппа «Д». Вот цитата из заявления фон Манштейна 20 ноября 1941 года:

Эта борьба не ведется по европейским военным правилам – только против советской армии. Борьба продолжается и за линией фронта... Евреи осуществляют связь между врагом в [нашем] тылу и еще воюющими остатками Красной Армии и красного руководства. Они крепче, чем в Европе, держат в своих руках все ключевые посты в политическом руководстве и администрации, в торговле и промышленности и всегда являются зачинщиками беспорядков и неповиновения. Нужно раз и навсегда искоренить еврейско-большевистскую

⁶¹ ИМТ, vol. XXXV, pp. 84–86. Цит. по: Уничтожение евреев СССР. С. 52–54. См. также: Преступные цели. С. 66–67.

*систему, которая никогда больше не посягнет на наше европейское жизненное пространство*⁶².

Подобно Рейхенау, Манштейн призывал своих солдат осознать «необходимость сурово наказать еврейство – духовных переносчиков большевистского террора». Войска могли понять этот приказ как оправдание массовых казней, проводимых айнзатцгруппами «Ц» и «Д». Манштейн закончил призывом к традиционной этике солдата и высказался «против актов произвола и эгоизма». Справедливость, однако, требовалось выказывать только по отношению к «небольшевикам» и к населению, «ненавидящему русских», в особенности к татарам-мусульманам. В конце ноября 1941 года 11-я армия учредила штаб борьбы с партизанами. В соответствии с оценкой ситуации, штаб проводил либо свои собственные, либо совместные с айнзатцгруппой «Д» операции; в отдельных случаях армейские подразделения действовали под командованием СС⁶³.

Приказы, которые, без долгих рассуждений, классифицировали евреев как потенциальных соучастников партизанской деятельности, – а командиры высшего ранга признавали такую классификацию, – конечно, имели свои последствия. Так, после чистки в районе Миргорода, в тыловой зоне группы армий «Юг», 62-я пехотная дивизия казнила не только 45 партизан, но и все «еврейское население Миргорода (168 человек) за связь с партизанами»⁶⁴. 202-я запасная бригада «в качестве возмездия [за убийство немецкого военнослужащего] расстреляла 20 евреев, жителей сел Добосянка⁶⁵ и Горностаевка, и сожгла 5 еврейских домов»⁶⁶. В предварительном варианте своего заключительного донесения

⁶² *IMT*, vol. XXXIV, pp. 129–132. Jehuda L. Wallach, “Feldmarschall Erich von Manstein und die deutsche Judenausrottung in Rußland” // *Jahrbuch des Instituts für Deutsche Geschichte* (Tel Aviv, 1975), Bd. 4, S. 457–472. Цит. по: *Уничтожение евреев СССР*. С. 54–55.

⁶³ В этом контексте см. приказ ОКН/GenStdH/GenQu/H. Wes. Abt. Nr. II/7215/41 от 21 октября 1941 года (ВА-МА, RH 19 II/124), приказы АОК 11 от 14 и 29 ноября 1941 года (ВА-МА, RH 20-11/341) и документы Нюрнбергского процесса (NOKW-3453).

⁶⁴ ВА-МА, RW 41/31, 17.10.1941.

⁶⁵ Местонахождение села «Добосянка» неясно. – *Примеч. ред.*

⁶⁶ ВА-МА, RH 22/3, 3.11.1941.

44-я охранная дивизия докладывала, что «во время сражений в лесистой зоне Новомосковска... [были убиты] 305 бандитов, 6 вооруженных женщин, 39 военнопленных и 136 евреев»⁶⁷. 11 и 12 ноября 1941 года 97-я дивизия легкой пехоты провела в Артемовске рейд против коммунистов, партизан и евреев. Арестованные (12 коммунистов, 6 евреев и 6 женщин) были отправлены в концлагерь. Предполагалось, что публичное объявление об их грядущей казни предотвратит нападения на немецких военных⁶⁸. Примеры «особых мер», предпринимавшихся в борьбе с партизанами, можно приводить бесконечно.

Доклады «командующего силами Вермахта в “Белорутении” при командовании вооруженных сил “Остланда” и командира 707-й пехотной дивизии представляют собой яркий пример смеси тавтологического доказательства со «сбывшимися предсказаниями», сделанными постфактум, об успешном искоренении «еврейского большевизма»; эти доклады заслуживают пространной цитаты⁶⁹:

Было замечено, что евреи, живущие на равнинной местности, склонны уходить из своих домов, вероятно, в южном направлении, и этим они хотят избежать направленных против них операций. Поскольку они всегда действуют заодно с коммунистами и партизанами, полное истребление этого чуждого элемента продолжается (отчет за 1.10 – 10.11.1941).

Меры, предпринятые против евреев, как носителей большевистских идей и как вождей партизанского движения, дали ощутимые результаты. Следует продолжать изоляцию евреев в гетто и уничтожение евреев, обвиняемых в партизанской деятельности и агитации; это наиболее эффективное средство умиротворения страны. В этом месяце поисковые группы неоднократно отмечали и подтверждали связь евреев с партизанским движением (месячный отчет, 1.11 – 30.11.1941).

⁶⁷ ВА-МА, RH 22/3 (13.11.1941). 105-я пехотная бригада венгерской армии расстреляла 22 декабря 1941 года «еврейскую банду из 90 человек», так как они якобы снабжали партизан Корюковки продовольствием. См.: ВА-МА, RH 22/182 (выдержка из дневника боевых операций).

⁶⁸ ВА-МА, RH 22/19.

⁶⁹ ВА-МА, 18 409/33. Разрядка автора.

Доказано, что концентрация евреев в гетто повсеместно способствует благополучию населения и умиротворению страны. Она весьма ослабила беспокойство населения, возникшее вследствие слухов и агитации. Поддержка, оказываемая партизанам, значительно ослабла. Но даже сейчас мы постоянно получаем информацию о том, что евреи действуют заодно с партизанами и что значительная их часть вооружена и входит в состав партизанских банд. Кроме того, евреи постоянно замешаны в актах саботажа (отчет от 8.1.1942).

Что касается евреев и поляков, можно добавить к предыдущим отчетам, что они действуют заодно с коммунизмом и помогают ему и партизанским организациям всеми мыслимыми способами. Следовательно, – и нет исключений из этого правила, – понятия «евреи» и «партизаны» идентичны. В одном из донесений упоминается еврей, арестованный по обвинению в партизанской деятельности, которого использовали как пропагандиста. Своими речами он пытался убедить население в том, что Гомель, Могилев и Киев уже отвоеваны Красной Армией и что Советы скоро вернутся, – и тогда, без сомнения, все, кто помогал немцам, будут повешены (отчет от 1 – 15.2.1942)⁷⁰.

Умозрительная связь между массовым убийством евреев и борьбой с партизанами ни в коем случае не должна склонить нас к оправданию уничтожения евреев на оккупированных советских территориях⁷¹. Огромное несоответствие между числом убитых евреев и партизан-коммунистов в операционных докладах о текущем положении, поданных начальником полиции безопасности, а также преступные приказы командования Вермахта и директивы айнзатцгруппам доказывают, что расово-идеологическая война на уничтожение против «еврейского большевизма» считалась неотъемлемым компонентом Восточной кампании еще до начала боевых действий. Безусловно, воззвание Сталина от 3 июля 1941 года позволило Гитлеру найти действиям восточной

⁷⁰ BA-MA, WK VII/527 RH 53 – 7/v. 206 RH 26-707/v. 1. Разрядка автора.

⁷¹ Matthew Cooper, *The Phantom War: The German Struggle against Soviet Partisans 1941–1944* (London, 1979), pp. 55–57. Андреас Хильгрубер подчеркивает это в своей последней статье на эту тему, – см.: Andreas Hillgruber, “Die ideologisch-dogmatische Grundlage der nationalsozialistischen Politik der Ausrottung der Juden in den besetzten Gebieten der Sowjetunion und ihre Durchführung 1941–1944” // *German Studies Review* (Tempe, AZ), № 2 (1979), p. 284f. Он, однако, не использует новые источники.

армии психологически удовлетворительное оправдание. 25 июля 1941 года, под девизом обеспечения «полной безопасности немецкому солдату», командование армии обновило строгие приказы об обращении с советскими гражданскими лицами и советскими военнопленными, еще раз упомянув «еврейско-большевистский» характер советской системы⁷². Армия уже имела опыт применения крайне жестких мер против нерегулярных партизан («франтиреров») в Польше, но только в войне с СССР под устранение всякой активной и пассивной оппозиции была подведена идеологическая основа. Таким образом, армия, борясь с партизанами, участвовала (вместе с СС) в систематическом уничтожении большевизма, славянства и еврейства, а не вела войну по законам войны.

Евреи и коммунисты были изначально классифицированы как потенциальные партизаны и подлежали расстрелу. Советские солдаты, отрезанные от основных сил своей армии и не представшие перед немецкими властями в определенный срок, тоже считались партизанами и подлежали расстрелу. Число партизан несопоставимо с размерами немецких потерь, указанных в донесениях охранной дивизии и армейской ГФП, и эта несоразмерность заставляет предположить идеологическую подоплеку. В Белоруссии на территориях под военным управлением за один месяц из 10 940 военнопленных был расстрелян 10 431 человек, в то время как в боях с партизанами двое солдат 707-й пехотной дивизии были убиты и пятеро ранены!⁷³ А ГФП в тыловой зоне группы армий «Юг» докладывала, что в результате столкновений с партизанами с октября по декабрь 1941 года ею были расстреляны 4 150 человек (партизаны, диверсанты, парашютисты), тогда как ее собственные потери составили семь убитых и пять раненых!⁷⁴ Такая война вплотную приближается к формуле умиротворения восточных территорий, предложенной Гитлером 16 июля 1941 года: расстреливать каждого, «кто бросит косою взгляд».

В войне на уничтожение против СССР конвенциональная

⁷² ОКН/Gen z.b.V. beim ObdH/Az. 453 Gr. Rwes Nr. 1332/41, 25.7.1941. BA-MA, RH 27 – 7/41 и 14 678/5.

⁷³ Отчет 11.10 – 10.11.1941, BA-MA, RH 26-707/v.1.

⁷⁴ Der Leitende Feldpolizeidirektor beim Bfh. rückw.H.Geb. 103, TgbNr. 62/64, 15.1.1942, BA-MA, RH 22/19.

война была неразрывно слита с политическими и полицейскими мерами. Меры эти приводились в исполнение в основном СС, но при участии армии. Полное оправдание армии, равно как и полное ее осуждение, не поможет понять эту главу немецкой истории и справиться с ней. Можно ли, как предлагает Хильгрубер, провести четкую грань между сознательным отказом армии от международных законов ведения войны и организованным массовым убийством советских евреев силами СС?⁷⁵

Различие в степени вины здесь количественное, а количество – не моральная категория. В отличие от осени 1939 года, когда армия последовательно держалась в стороне от антипольских чисток, но и не возражала против запланированной политики уничтожения, проводимой СС, весной 1941 года руководство Вермахта было готово принять участие в идеологической битве против «еврейского большевизма» и превратить намерения Гитлера в приказы. Отпускающий все грехи принцип послушания или отсутствие гражданского мужества, безусловно, не объясняют позицию, занятую генералитетом. Ничуть не лучше в качестве объяснения характеристики, данные генералам современниками, такие как «военные техники» (Г. фон Мольтке) или «безнадежные ефрейторы» (У. фон Хассель). Отношения между армией и Гитлером, определявшиеся «частично совпадающими целями»⁷⁶, в ходе войны на уничтожение против СССР превратились в сотрудничество. Принцип Хеннинга фон Трескова⁷⁷ («Когда нарушаются международные законы, пусть это [первыми] делают русские, а не мы») был отвергнут офицерским корпусом. И поэтому в своей речи 30 марта 1941 года Гитлер мог публично отменить основные нормы международных законов войны, не опасаясь, что генералитет единодушно откажется ему подчиняться. 30 марта 1941 года не может считаться «часом последнего решения»⁷⁸, поскольку еще в 1938 году, не говоря уже о начале 1941, главная предпосылка

⁷⁵ Hillgruber, *“Die ideologisch-dogmatische Grundlage”*, S. 284.

⁷⁶ Выражение Мессершмидта (Messerschmidt, *Wehrmacht im NS-Staat*). См. также: Messerschmidt, *“Politische Erziehung der Wehrmacht: Scheitern einer Strategie”* // М. Heinemann (Hg.), *Erziehung und Schulung im Dritten Reich* (Stuttgart, 1980), Bd. 2, S. 261–284 (Veröffentlichungen der Historischen Kommission der Deutschen Gesellschaft für Erziehung und Wissenschaft, Bd. 4.2).

⁷⁷ Офицер оперативного штаба группы армий «Центр». – *Примеч. ред.*

⁷⁸ Hillgruber, *“Die ‘Endlösung’ und das deutsche Ostimperium”*, S. 149.

возможности оказать сопротивление фюреру – чувство коллективной политической ответственности и поведенческой этики – перестала существовать⁷⁹. 30 марта 1941 года многие офицеры, поддавшись влиянию Гитлера, вступили в борьбу с враждебной идеологией. Даже такие противники национал-социализма, как Гёпнер, Штюльпнагель и Штауффенберг оказались способны сочетать свои убеждения с воинствующим антикоммунизмом. Многие офицеры заняли позицию формального повиновения и не вмешивались в процесс уничтожения. Некоторые заявляли о необходимости изменить цели и средства их достижения, так как видели в них препятствие для военной победы над СССР. Однако пока Гитлер устанавливал курс Третьего рейха, а офицерский состав ему повиновался, никакие серьезные изменения в методах ведения войны и в обращении с советскими гражданами, как с солдатами, так и с гражданскими лицами, сделаны быть не могли. Сухим языком историка трудно выразить громадность моральной вины и воздать должное миллионам жертв.

*Впервые опубликовано по-английски и на иврите как
“The Wehrmacht and the War of Extermination against the Soviet Union”
в Yad Vashem Studies, том 14 (1981) pp. 7-28.
Перевод с английского Кати Гусаровой.*

---

⁷⁹ См.: Klaus-Jürgen Müller, *Generaloberst Ludwig Beck: Studien und Dokumente zur politischen Vorstellungswelt und beruflichen Tätigkeit des Generalstabschefs 1933–1938* (Boppard, 1979) (Schriftenreihe des Bundesarchivs); Müller, *Armee, Politik und Gesellschaft in Deutschland 1933–1945* (Paderborn, 1979), S. 94–97.

